

Романы «великого пятикнижия» Ф.М. Достоевского относятся к зрелому периоду творчества писателя, пережившему годы каторги и вернувшемуся к литературной деятельности после духовного потрясения и пересмотра жизненных ценностей.

В творческой лаборатории писателя появляются новые герои. Все они населяют пространство романов Достоевского, и это пространство обозначается разными топонимами. События трех романов разворачиваются в Петербурге и его окрестностях («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток»), становясь частью «петербургского» текста. Романы «Бесы» и «Братья Карамазовы» предлагают читателям задуматься о судьбе провинциальных городков, являющихся квинтэссенцией происходящего в стране или мире.

«В провинции никуда не спрячешься», — сообщает Достоевский из Твери своему брату [1. XXVIII. Кн. 1. С. 341]. По мнению писателя, вынужденного находиться в Твери, провинция — безжизненное пространство, сопоставимое лишь с острогом: «Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов, — даже библиотеки нет порядочной. Настоящая тюрьма! Намереваюсь как можно скорее выбраться отсюда...» [Там же. С. 337].

П.Н. Милюков, современник Достоевского, вспоминая свой «первый выезд из Москвы в настоящую русскую провинциальную глушь», отмечал, что там по одному только взгляду на человека можно определить его род деятельности: «Мы сидели на берегу реки в каком-то кафе; за соседним столиком беседовала компания местных обывателей солидного типа. Дядя сказал мне: вот этот — в чуйке — скупщик хлеба, а тот, сбоку, трактирщик; его сосед слева — торгует скотом. Хочешь, проверим? Он подозвал полового и спросил его, кто эти люди. Половой буквально подтвердил показания дяди, и я получил наглядный урок закономерного влияния профессии на лицо, ею занимающееся» [2].

Интересны размышления исследователей о хронотопе русской провинции: «Это и пространство, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и время, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько на преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и настроение, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди полуоблупившихся простеньких или претенциозных домов» [3].

Относительно романов Достоевского можно говорить об амбивалентной сущности провинции: во-первых, это пространство настоящего, где максимально сконцентрировано зло, ведущее к неминуемой смерти или наказанию, воспринимаемому как смерть; во-вторых, это пространство будущего, где духовная смерть оборачивается возрождением для избранных.